

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА «ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ» В ДРЕВНЕМ РИМЕ В СВЕТЕ РАБОТ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ¹

Всем известно указание И. В. Сталина в 4 гл. «Истории ВКП(б). Краткий курс» относительно изучения истории: «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»². Закономерно поставить вопрос и о языке «производителей материальных благ», «трудящихся масс», для которых в большинстве случаев были совершенно недоступны образование и вся культура античного мира. Возникает вопрос о той разновидности латинского языка, которую можно условно называть «народная латынь», о разговорном языке производителей материальных благ в древнем Риме.

Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания проливают яркий свет и в эту не вполне исследованную область. «Народная латынь» не была каким-то особым, классовым языком в римском обществе. И. В. Сталин указывает, что нет классовых языков; он учит, что существует единый общенародный язык с устойчивым грамматическим строем и словарным фондом; язык «...создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества»³, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых. Однако это не значит, что не существует никакой дифференциации в рамках единого языка: «...люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»⁴. «Классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения»⁵. «Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его...»⁶; у них есть «некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от „грубых“ выражений и оборотов национального языка»⁷. Из этих указаний товарища Сталина совершенно ясно, что «народная латынь» — это общенародный латинский язык,

¹ В основу этого сообщения положено выступление автора в Институте языкознания АН СССР по докладу проф. И. М. Тронского: «Главы из „Очерков по истории латинского языка“», 16 января 1952 г.

² «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1950, стр. 116.

³ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 40.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Там же, стр. 14.

представляющий собою живую разговорную речь римского общества в отличие от разговорной речи верхушки общества и от литературной нормализованной письменной речи, достигшей своего «классического» оформления во второй половине I в. до н. э. Эта разговорная народная речь, как известно, оказалась наиболее жизненным элементом общенародного латинского языка; именно она составила основу живых романских языков.

«Народная латынь» изучается и филологами-классиками и романистами уже около ста лет; тем не менее остается до сих пор не решенным ряд вытекающих из ее изучения проблем. Эти проблемы делаются актуальными особенно в настоящее время.

Буржуазные филологи и лингвисты давно поставили вопрос о том, когда образовалась та «народная латынь», которая отчасти реконструируется на основе сличения романских языков, и когда определились ее территориальные диалектные различия в Испании, Галлии и в других местах, давшие разные особые романские языки; Лефшted¹, например считает, что «народная латынь» как чуть ли не особый язык, всей своей структурой отличавшийся от классического языка, существовала с самого архаического периода Рима, но мы не можем вполне ее знать потому, что нет таких памятников, за исключением некоторых надписей, которые представили бы нам «народную латынь» в ее так сказать чистом виде; в литературных памятниках мы находим лишь ее элементы, ее неполное отражение. Дополнительно она окончательно реконструируется лишь из романских языков (как это сделано, например, у Грамента², у Кикерса³).

Действительно, латинские литературные памятники, за исключением ряда надписей в Помпеях и в других местах, не дают нам полной картины «народной латыни». Языковые факты «народной латыни» появляются в них в большей или меньшей степени или благодаря недостаточной образованности автора (как например, в *Bellum Hispanense*, приписываемой Юлию Цезарю, в трактате Витрувия, у автора *Peregrinatio ad loca sancta* конца IV в.) или как умышленные плебейзмы (например, у Лукреция, Саллюстия). Часто даже человек из «народной» среды в своем языке подвергается влиянию литературной речи. Иногда удается обнаружить в рукописях писателей поздние исправления отклонений от литературной формы языка⁴.

Но спрашивается: существенно ли отличалась даже в IV—V вв. н. э. «народная латынь» от более изысканной литературной формы общенародного латинского языка? Проф. И. М. Тронский в реферированных главах своей работы на анализе источников «народной латыни» показал, что грамматический строй «народной латыни» в IV в. н. э. мало отличался от грамматической структуры литературной речи; не было также и резких территориальных различий; накопление элементов «народной латыни», отличной от речи образованных слоев, шло постепенно и завершилось в предроманскую эпоху; латинский язык в основном сохранял флексивный строй, хотя элементы аналитизма постепенно развивались. И. М. Тронский приводил примеры таких явлений «народной латыни», реконструируемых из романских языков, которые в полном своем развитии не засвидетельствованы ни в одном латинском памятнике первых веков империи, не исключая и надписей.

В пользу этого вывода можно высказать еще ряд соображений. Обыкновенно, разбираясь в терминах, употребляемых античными писателями для обозначения разновидностей латинского языка, ссылаются на замечания Цицерона и Квинтилиана. Оба они не делают различия между разговорной «народной» речью и разговорной литера-

¹ E. Löfstedt, *Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aestheriae*, Uppsala, 1911, стр. 9 сл.

² C. H. Grangent, *An introduction to Vulgar Latin*, Boston, 1907.

³ E. Kiekers, *Historische lateinische Grammatik*, München, 1931.

⁴ Например, еще Ричль подметил, что указанные грамматиком Понием «народные» формы им. п. мн. числа на *a* — основ на *as* местами исправлены в рукописях на обычное окончание *ae*, см. Meister, *Altes Vulgärlatein* (Indogerm. Forschungen, 26), стр. 69—90.

турной речью образованных людей, между *sermo plebeius* или *vulgaris* и *sermo cotidianus*, оба они противопоставляют разговорную речь вообще письменной литературной речи (Cic., *ad. famil.*, IX, 21, 1; Quint., *Inst. or.*, XII, 3, 3; 10, 40). Объяснять это классовым презрением к «народной» речи нельзя, потому что Цицерон называет разговорную речь «плебейской речью», а Квинтилиан — «народной речью» и при этом разъясняет, что это такая повседневная речь, с которой мы обращаемся не только к друзьям, женам, детям, но и к рабам. Такого же различия не делал и во II в. н. э. Фронтон, который писал Марку Аврелию: «Гораздо лучше пользоваться народными и употребительными выражениями (*vulgaribus et usitatis*), чем чуждыми и пысканными» (Marc., 4, 3.). Именно поэтому и в языке комедий Плавта мы, вероятно, и не видим существенной разницы между речью рабов и других социально выше стоящих персонажей, что грамматический строй их речи почти не отличался от речи литературной. Приблизительно такое же соотношение разновидностей разговорной речи существовало и в I—IV вв. н. э. В латинских памятниках этой эпохи мы не видим, например, полного исчезновения категории среднего рода, исчезновения предложений с *ut* и *cum*, причинного *quoniam*, инфинитива *perfecti*, *imperfectum coniunctivi*, *accus. cum infinitivo* и других форм и конструкций, отсутствующих в романских языках. Такая картина даже у Петрония в речах вольноотпущенников, а Петроний показал все типичные особенности современной ему «народной латыни». Это не значит, что в памятниках I—IV вв. совсем не развивались элементы поздней «народной латыни»; так, например, стирание смыслового значения флексий наблюдается в Помпейских надписях (№ 41: *pro ferrum dedicat*, ed. Diels, Bonn, 1900 или в *Peregrinatio: de illas statuas* и т. д.).

В дополнение к этим данным следует еще указать, что между «народной латынью» и нормализованной «классической» формой латинского языка не было непроходимой пропасти; процессы, которые наблюдаются в «народной латыни», заметны и в литературной «классической» речи, несмотря на все старания грамматиков-аналогистов нормализовать ее; в «народной латыни» эти процессы развивались лишь шире и интенсивнее. Сюда относятся: явление рекомпозиции (восстановление первоначального вокализма в сложных словах под влиянием простого слова)¹, зачатки аналитических конструкций: *de* с *abl.* = *gen.*²; тенденция к вытеснению среднего рода в колебании основ на «о» между мужским и средним родом³; тенденция к вытеснению слов так называемых четвертого и пятого склонения; зачатки перехода прилагательных с основами на «i» в основы на «o»⁴; описательное образование степеней сравнения вместо суффиксального; стирание фреквентативного значения глаголов (например, *cantare*); колебание между вторым и третьим спряжением глаголов⁵; описания *habeo* с *part.* *perf.* *passivi*, правда, еще в аористическом значении; образование наречий при помощи *mente*, как зачаток суффиксальности этого элемента; предложения с *quod* наряду с *accus. cum inf.* после глаголов душевного состояния (*verba affectuum*). Все эти данные подтверждают выводы И. М. Тронского и вполне отвечают указаниям Н. В. Сталина о том, что не может быть каких-то особых классовых языков в рамках общенародного языка, что грамматический строй языка изменяется очень медленно. Отсюда возникает проблема изучения истории «народной латыни», истории накопления в ней тех элементов и изменений грамматического строя, которые завершились в предроманскую эпоху. При этом возникает проблема связи «народной латыни» не только с литературной формой латинского языка, но и специально с элементами его

¹ Например, *separo* вм. *sepero*, *pertaesus* вм. *pertisus* (см. C i c. Orator, 48, 159), *conquasiverit* (*Lex Repetundarum*, II в. до н. э. CIL, I, 198).

² *T e r e n t.*, *Heautontim.* IV, 1.39: *expers de nostris bonis*; C i c., *Verr.*, II, 1.12: *passim de istius impudentia*.

³ Например, *lectus* и *lectum*, *nasus* и *nasum* и т. д.

⁴ *Inermis* и *inermus*, *imberbis* и *imberbus* и т. д.

⁵ Например, *fervēre*, *tergēre*, *fulgēre* и др.

поэтической формы, с которой «народная латынь» сближается своими языковыми средствами выражения разнообразных чувств.

Далее, вопрос о территориальных и диалектальных различиях в области «народной латыни», которые и дали различие романских языков. Этому вопросу посвятил свою статью М. В. Сергиевский: «Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания» (Вестник МГУ, 1946, № 1, стр. 25—36). М. В. Сергиевский поддерживает тезис Моля¹, который относит возникновение диалектов народной латыни уже к пачальному периоду распространения латинского языка по италийской провинции, но Сергиевский доказывает эти территориально-диалектные различия главным образом на сличении фонетики разных романских языков. Проф. Тронский не согласен с Сергиевским, основываясь на том, что на латинских текстах ранние территориально-диалектные различия подтвердить нельзя; они лишь реконструируются для позднего времени путем сравнения романских языков. Действительно, лишь в IV в. Иероним замечал, что сам латинский язык изменяется по странам и по времени (Comm. ad Epist. ad Galatos, II, 3). Грамматики вообще молчат о диалектных различиях, но это — в чем можно согласиться с проф. Сергиевским, — не доказательство, так как они вообще не интересуются «народной латынью». Имеются лишь единичные поздние указания (Августина, Исихора Севильского, Помпея), и то относящиеся к некоторым особенностям «африканской латыни», которые, как еще доказал Эд. Норден («Die antike Kunstprosa», II), не имела своих специфических особенностей.

Но если в грамматическом строе долгое время не обнаруживалось существенного расхождения «народной латыни» и литературной речи, а также территориально-диалектных расхождений в области «народной латыни», то эти расхождения, по видимому, прежде всего сказались в области лексики. Вспомним указание И. В. Сталина, что именно в области лексики прежде всего проявляется дифференциация в языке². Цицерон указывает, что в его время в Галлии проявляется дифференциация в языке³. Дифференцировалась от литературной речи прежде всего в области лексики. Доведя до романских языков определенный словарный фонд (например, слова *canis, filius, altus, amare, bene, male, si* и др.), «народная латынь» развивала свой словарный состав. Развитие словарного состава «народной латыни» шло прежде всего в зависимости от развития производства: «Язык... — указывает И. В. Сталин, — связан с производственной деятельностью человека непосредственно... язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно...»⁴. Цицерон указывает, что ремесленники употребляют в своем производстве термины, неизвестные людям других слоев (De fin., III, 2). Таким образом, возникает проблема изучения терминологии производства в области «народной латыни»⁴.

Наконец, следует поставить проблему деревенской народной речи в отличие от городской. Цицерон говорит, что, подобно ремесленникам, и земледельцы создают свои новые слова (De fin., III, 2). Далее мы имеем ряд известий античных историков, показывающих, что разница между *sermo urbanus* и *sermo rusticus* была главным образом в произношении слов, в чем сказывалось иногда влияние италийских языков и диалектов. Так, сюда относятся, например, ранняя монофтонгизация дифтонга «ae», отмеченная Луцием и Варроном⁵, слишком открытое произношение гласного «i» близкое к «e»⁶. В этом произношении «e» вместо «i» Цицерон видит подражание жнецам (De orat., III, 46)

¹ M o l l, Introduction à la chronologie du latin vulgaire, P., 1899.

² И. В. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24: «... словарный состав языка ... находится в состоянии почти непрерывного изменения ...».

³ Там же, стр. 11.

⁴ См. работу F. T. C o o p e r, Word-formation in the Roman Sermo Plebeius N.-Y., 1895.

⁵ L u c i l, IX, 10 (Marx); V a r r o, L, V, 97; VII, 96.

⁶ V a r r o, R. r. I, 12, 14; C i c., Brutus, 259.

Наконец, античные теоретики говорят, что латинская деревенская речь сохраняла архаические черты. Цицерон (*Brutus*, 137) указывает что Котта, произнося слова на деревенский лад, подражал древности (*imitabatur antiquitatem*); то же отмечает и Квинтилиан (*Inst. Or.*, XI, 3,10). Архаизм в деревенской речи Цицерон, между прочим, видит в том, что в ней сохраняется старое ослабление конечного «s» перед словом, начинающимся с согласной: он называет это для своего времени *subrusticism* (похожим на деревенскую манеру) и замечает, что ранее это казалось более изысканным (*politius*).

Архаизмы вообще присущи «народной латыни»; их исследование тоже составляет проблему, важную для истории разговорной народной речи.

Н. Ф. Дератани

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТРУСКОВ

В связи с выходом в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» редакция Вестника древней истории в своей программной статье под заглавием «Задачи научно-исследовательской работы в области древней истории в предстоящем пятилетии» (1950, № 3) с полным основанием указала как на одну из неясных проблем древней истории и на вопрос об этрусках.

В своей «Истории древнего Рима» Н. А. Машкин отмечает: «Вопросы о происхождении этрусков, об этруском языке и о социальном строе и роли этрусков в культурном развитии Италии являются одними из самых сложных и запутанных во всей науке об античном мире»¹. Теперь, когда в свете труда И. В. Сталина ставятся на переоценку существовавшие до сих пор концепции о генезисе племен и народов, проблема этрусков приобретает актуальное значение.

Эта проблема вызывает необходимость нового рассмотрения и потому, что Н. Я. Марр чрезвычайно злоупотреблял этрусками. В этногонии и глоттогонии Марра этруски и их язык играли большую роль. Один из так называемых четырех элементов, *рош*, представляет экстракт из имени этрусков, на основании которого Марр находил следы воздействия этруского языка на все языки мира. В сущности, как это явствует из пассажей в его произведениях, в которых говорится о происхождении этрусков и об этруском языке, Марр имел очень поверхностные знания по этим вопросам. Сам он признается в одной статье 1921 года: «... я лично недостаточно освоился еще с техникой этрускологической работы»². Достаточно привести следующий пример. В статье «Составной характер этр. *tusurθi* „девушка“, „дочь“», которая датируется 1924 годом³, Марр пытается объяснить упомянутое этруское слово с помощью грузинских и мингрельских слов. Однако его предположения несостоятельны уже только потому, что это этруское слово означает не «девушка, дочь», а, как это давно установлено комбинаторным путем, — «супруги»⁴.

В данной статье будет рассмотрен только вопрос о происхождении этрусков. Проблема этруского языка, которая представляет предмет занятий автора в последние 20 лет, требует специального изложения. Надеюсь, мне представится случай высказаться по этому вопросу в отдельной статье на страницах ВДИ.

¹ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 84.

² ЗВО, XXV (1921), стр. 332, прим. 1.

³ ДАН, 1924, стр. 113 сл.

⁴ Ср., например, S. P. C o r t s e n в «Nordisk Tidsskrift for Filologi», IV, VII (1917), стр. 165 сл.